

ПЕРСПЕКТИВЫ И РИСКИ ИНТЕГРАЦИИ ОБЩЕГО И ИНФОРМАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК МЕХАНИЗМА ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ВЫПУСКНИКОВ ШКОЛЫ

П.С. ЛЕРНЕР

В числе важнейших причинных факторов, оказывающих огромное воздействие на физическое, психическое, в том числе интеллектуальное и эмоциональное развитие растущего человека, выступает интенсивный натиск информационных потоков, прежде всего телевидения и Интернета.

И здесь на первый план перед педагогами и психологами выходит проблема поиска путей, возможностей использования Интернета и телевидения, формирования культуры отношения к ним. Ведь Интернет на самом деле представляет собой новое культурное пространство со своим особым языком, особым содержанием, которое невозможно проконтролировать, со своими способами научения, внушения, предпочтения.

Не менее важным представляется изучение и телевизионного пространства детей, а главное – психолого-педагогических способов, форм его использования в процессе образования.

Ведь общепонятно, что современный ребенок немислим без виртуальной плоскости экрана – телевизионного, видео, компьютерного, сотового телефона и Интернета. Экран, внедряясь в детское сознание посредством оптических эффектов и образов, не просто конструирует новые ценности и потребности, но и трансформирует их.

В мире актуальной, быстро меняющейся, общедоступной информации взрослые перестали быть авторитетными проводниками детей по лабиринту знаний. По мере того как электронные медиа размывают границу между ними, любопытство сменяется цинизмом или самонадеянной заносчивостью. Дети начинают ориентироваться не на авторитет взрослых, а на информацию, поступающую вроде бы «ниоткуда».

Возникает проблема изучения не только содержания программ, особенностей их присвоения детьми, но и воздействия скоростей, ритмов телевидения на психическое, психофизиологическое развитие ребенка.

Наступила, почти мгновенно, массовая электронная культура, архивные массивы вместе с целыми библиотечными фондами пошли под «оцифровку», функции человеческой памяти взяли на себя поисковые системы, «википедии», легальные и полуполегалные электронные библиотеки.

В этом отношении весьма интересно важное замечание академика РАН В. В. Тишкова.¹ "Воспитание историей – давний инструмент в арсенале

---

¹ Тишков В.А. Новая историческая культура / В.А. Тишков. – М.: Издательство Московского психолого-социального института, 2011.

социальной инженерии. Когда в 1980 г. я собирал в США материал для своей книги о месте и роли истории как науки и учебной дисциплины в американском обществе, я спросил одного из тогдашних лидеров американской историографии, в чем цель преподавания истории в США, и получил краткий, но запоминающийся ответ: **воспитать ответственного гражданина**. Сейчас в той же самой Америке и в других странах распространено мнение, что воспитание гражданской идентичности в значительной мере берет на себя так называемое образование наследием (heritage education), которое осуществляется через многочисленные музейные экспозиции, памятные места и экскурсии, а также через общественную среду в целом, включая семейное воспитание".

«Хэритидж» имеет много аспектов, в том числе и туристско-развлекательный, но главное — он вызывает у человека гораздо больший, подлинный интерес, нежели выучивание домашнего задания. Образование через наследие помогает понять значение и место истории в настоящем, создает образ события или эпохи, чего, как правило, не может сделать учебный текст.

Если еще два-три десятилетия назад ребенок развивался в условиях малого социума – семьи, класса, ближайшего окружения, то сегодня он поставлен в принципиально новую ситуацию, когда уже с дошкольного, младшего школьного возрастов он находится в огромном развернутом социальном, в том числе новом знаниевом, пространстве, где на его сознание буквально давит хаотичный поток информации, идущей, прежде всего, из телевизора, Интернета, перекрывая знания, получаемые от родителей, воспитателей, учителей. Причем эта информация, не имеющая структурно-содержательной логической связи, подаваемая не системно, а бисерно, не просто не вписывается в систему образования, а представляет собой качественно иной тип, противостоящий стационарному образованию, принципиально меняющийся, в частности, не только сочетание зрительного и слухового восприятия детей, но и структуру их мышления, самосознания и миропонимания ².

Знаменательно, что на первый план у современных детей подросткового возраста выходят не развлечения, а особый поиск смысла жизни, возрастает их критичность по отношению к взрослым, т.е. фиксируются новые характеристики в их социальном развитии. Здесь интересно, что подростки критично относятся не только к рекламе (что понятно), но и к телевизионным новостям как не совсем точным, манипулирующим, идеологически заданным. Их, кстати, смотрит около 30% 13-14-летних, критичность которых достигает почти 70%.

В итоге сегодня дети, в том числе и подросткового возраста, которым свойственна ориентация на взрослость, не хотят взрослеть, так как у них

---

² Фельдштейн Д.И. Глубинные изменения современного детства и обусловленная ими актуализация психолого-педагогических проблем развития образования / Д.И. Фельдштейн. — М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2011. —16 с.

формируется подспудное недоверие к окружающему миру, особенно к миру взрослых.

Тревогу вызывают факты и факторы, связанные с приобщением детей к телеэкрану, начиная с младенческого возраста. Так, по данным американских ученых, к началу школьного возраста время просмотра достигает 10-12 тысяч часов, а по данным Института социологии РАН более 60% родителей проводят досуг с ребенком перед телевизором, у каждого десятого ребенка-дошкольника ВСЁ свободное время проходит у телевизора. В результате возникает особая потребность в экранной стимуляции, которая блокирует собственную деятельность ребенка.

Экранная зависимость приводит к неспособности ребенка концентрироваться на каком-либо занятии, отсутствию интересов, гиперактивности, повышенной рассеянности. Таким детям необходима постоянная внешняя стимуляция, которую они привыкли получать с экрана, им трудно воспринимать слышимую и читать: понимая отдельные слова и короткие предложения, они не могут связывать их, в результате не понимают текста в целом. Дети теряют способность и желание чем-то занять себя. Им не интересно общаться друг с другом. Они предпочитают нажать кнопку и ждать новых готовых развлечений.

Неблагоприятной тенденцией выступает обеднение и ограничение общения детей, в том числе и детей подросткового возраста, со сверстниками, рост явлений одиночества, отвержения, низкий уровень коммуникативной компетентности. Материалы наших исследований показывают, что если в начале 90-х годов многие подростки отличались чувством одиночества, но при этом их тревожность стояла на 4-5 местах по силе проявления, то в 2009 году тревожность у 12-15 –летних детей вышла на 2-е место, усугубляясь чувством брошенности, ненужности взрослому миру, опустошенности, растерянности, неверия в себя³.

Развитие информационно-коммуникативных технологий открывает перед человеком новые возможности, связанные с погружением в мир виртуального пространства, дающего ему ощущение полноты жизни за счет расширения сферы общения с пользователями Интернета. Подключившись к “всемирной паутине” и обладая относительно несложными навыками в области поиска необходимой информации, любой начинающий и тем более продвинутый пользователь Интернетом может в кратчайшие сроки решать поставленные перед собой задачи.

Дети, как наиболее восприимчивые и быстро осваивающие игровую деятельность в виртуальном пространстве, с раннего возраста настолько приобщаются к новым информационным технологиям, что, фактически, оказываются способными пребывать всё своё свободное время в том мире, который ранее не был известен их родителям. Метафорически эта тенденция зафиксирована в расхожем выражении, согласно которому новое поколение детей рождается с «мышкой» в руке.

---

³ Там же.

Прогресс в сфере информационно-коммуникативных технологий достиг таких высот, что виртуальное общение становится доступным для миллионов людей, ранее разделенных друг от друга территориально. И это, несомненно, имеет свои позитивные стороны.

В самом деле, благодаря виртуальному общению не только стираются территориальные границы, но и значительно расширяется сфера общения между различными пользователями Интернет, образующими те или иные сообщества по любительским или профессиональным интересам. Создано столько популярных сайтов, типа «одноклассники», «в контакте», «фэйсбук», «мой мир», «мой круг», «ютюб», «фотки», а также различных форумов и видеохостингов, что в них оказываются вовлеченными миллионы пользователей в различных уголках земного шара. Многообразны сообщества специалистов, имеющих возможность обсуждать профессиональные проблемы вне зависимости от того, знакомы ли они лично или нет.

Новая виртуальная реальность, порождающая в техническом отношении безграничные возможности общения между пользователями Интернет, оказывается столь привлекательной, что открывает все больший простор для вовлечения в нее миллионов людей. Если в предшествующие столетия человек мог убежать от скверны бытия в монастырь, а в XX веке он спасался бегством в невроз, то сегодня виртуальная реальность способна заменить собой и то, и другое. Уход человека от существующей реальности, не только не доставляющей ему никакого удовольствия порой, но и ввергающей его в водоворот всевозможных коллизий и сшибок, в новую виртуальную реальность, воспринимаемую чаще всего в плане необходимой для жизни «отдушины», становится символом свободы от политических, экономических и социокультурных ограничений, постоянно налагаемых на него ⁴.

Большинство исследователей ориентируются на изучение новых форм и методов воздействия на сознание людей с целью повышения эффективности их деятельности. Однако чаще всего результат оказывается противоположным, поскольку в большинстве случаев люди руководствуются бессознательными мотивами. Работодатели стремятся к достижению максимального результата (эффективному управлению, ориентированному на выполнение поставленных задач, включая увеличение собственного капитала), в то время как исполнителям приходится «выкручиваться», чтобы реализовать данные задачи в условиях, чаще всего непригодных для нормальной человеческой деятельности. И те, и другие апеллируют к сознанию, в то время как в действительности речь идет о бессознательных механизмах защиты, в том числе о всевозможных рационализациях.

---

⁴ Лейбин В.М. Виртуальное общение и интернетотерапия. Информатика сообществ: системный анализ и инструменты: Труды ИСА РАН. — М.:2010.

Исследование мотивационного управления должно включать в себя не столько разработку социальных технологий, предназначенных для оказания соответствующего воздействия на сознание людей, сколько изучение способов и механизмов функционирования индивидуального и коллективного бессознательного.

Создавая видимость активного включения в структуру человеческих взаимоотношений, виртуальное общение притупляет эмоциональную выразительность, столь необходимую для эмпатической вовлеченности человека в совместную деятельность с другими людьми. Виртуальные взаимоотношения между людьми становятся по сути дела обезличенными контактами, опосредованными современными информационно-коммуникативными технологиями, способствующими достижению терапевтического эффекта⁵.

Согласно исследованию, проведенному учеными в университете Мельбурна, до 70% сотрудников, имеющих доступ к Интернету на рабочих местах, используют его для просмотра различных сайтов, непосредственно не связанных с их работой. Причем те, кто тратит не более 20% рабочего времени на просмотр развлекательных сайтов, выполняют задания на 9% эффективнее по сравнению с теми, кто использует все свое рабочее время на свои непосредственные должностные обязанности⁶.

Вместе с тем возникает очередная проблема — проблема общей культуры личности. Если посмотреть программы центральных каналов телевидения, печатную продукцию книжных издательств, газетную и журнальную продукцию, репертуар театров и концертных залов, создается впечатление, что никакого Министерства культуры в России сейчас нет.

Об этом свидетельствуют, например, факты⁷:

- экраны ведущих телеканалов заполнены полуголыми девицами, именуемыми «звёздами», «королевами красоты», «примадоннами» ;
- в телепрограммах и на радио широко используется ненормативная лексика;
- ведущие различных программ не владеют литературным языком;
- фильмы психологические, о любви, об успешности в профессии, о человеческих добрых отношениях, а также всякого рода поучительные дискуссии можно увидеть только после 23 часов и позже.

Образ (картина) мира являет собой систему значений как обобщенную форму общественно-исторического опыта и форм человеческих отношений.

---

⁵ Лейбин В.М. Виртуальный мир и социальная безопасность. — Известия Академии педагогических и социальных наук/ Материалы научно-практической конференции «Развитие системы образования — основа обеспечения безопасности страны», М.: МПСИ, 2011. — часть I, с. 204-212

⁶ Там же.

⁷ Кукушин В.С. Безопасность страны — в наших руках. — Известия Академии педагогических и социальных наук/ Материалы научно-практической конференции «Развитие системы образования — основа обеспечения безопасности страны», М.: МПСИ, 2011. — часть I, с. 5-10.

Центральным в образе мира ребенка является визуальная картина мира, представляющая собой систему графических и цветовых значений, семантика которых культурно обусловлена и в той или иной степени архетипична. Визуальная картина мира зафиксирована в детском рисунке, представляющем “перцептивное высказывание” ребенка о мире, которое отражает в значительной степени сам образ мира. Подобное «высказывание» по сути дела представляет собой отношение детей к тем или иным явлениям и ситуациям действительности в визуальной форме, что может составить общественное мнение детей.

Однако, как известно, в отечественной и зарубежной практике опросов населения почти отсутствует категория граждан до 18 лет, дети. Между тем, “детское общественное мнение” способно не только расширить, дополнить и углубить имеющиеся аналогичные данные взрослой выборки, но и дать количественно и качественно иную информацию по сравнению со взрослыми, основанную прежде всего не на поверхностных стереотипах массового сознания, а на неосознаваемых социальных установках “коллективного бессознательного”.

Кроме того, в отличие от психологии взрослых, детская психология имеет определенную специфику, поскольку формы мышления, поведенческих реакций социальных установок и пр. у детей отличаются большей непосредственностью, конкретностью и открытостью для наблюдения. В известном смысле, благодаря детям, можно понять те или иные “свернутые” действия взрослого человека (см. об этом: А. Валлон, Л.С. Выготский, П.Я. Гальперин, А.В. Запорожец, Д.Б. Эльконин и другие).

В русле социальной психологии детства предлагается подход и методология преимущественно невербального характера, позволяющая осуществить диагностику отношений ребенка к миру, к другим людям и себе самому. Надо сказать, с конца XIX в. и особенно в последние десятилетия человечество обнаруживает жгучий интерес к детской жизни – в литературе, живописи, исследованиях по детским играм, языку, рисункам и прочим продуктам детской субкультуры [Виноградов, 1930; Григорьев, 1994; Мещерякова М., 1997; Осорина, 1999; Покровский, 1994 и др.].

Смысл детской субкультуры для ребенка заключается в том, что она предоставляет ему особое психологическое пространство, благодаря которому ребенок приобретает “социальную компетентность в группе равных” (Р. Харре); оно охраняет его от неблагоприятных воздействий культуры взрослых, оно же предоставляет ему “экспериментальную площадку” для опробования себя, уточнения границ своих возможностей, задавая “зону вариативного развития”. Содержанием детской субкультуры являются не только актуальные для массовой культуры особенности, но и социогенетические инварианты – относительно устойчивые во времени и пространстве образы, модели, жанры, тексты, представляющие собой “осколки” различных эпох, следы памяти прошлого опыта человечества,

передаваемые из поколения в поколение детей ⁸.

К социогенетическим инвариантам как единицам продуктов культуры могут быть отнесены некоторые из детских игр, заимствованные из обрядовых мистерий или детская сказка как выродившийся из мифа жанр устного народного творчества. К понятию социогенетической инварианты также оказывается близок распространившийся в последнее время термин “архетип”, предложенный еще Платоном и активно используемый в аналитической психологии К. Юнга. Архетип это, прежде всего бессознательно передаваемый миф родового прошлого (“мать”, “мудрец”, “двойник”...), либо составная часть личности человека (“тень”, “самость”, “анима”, “анимус”...) в их вербально-образном аспекте.

Здесь понятие архетип выступает в контексте инвариантной культурной формы преимущественно визуального плана и потому оказывается в ряду с понятиями графический социотип и стереотип⁹. Графические (визуальные) архетипы – это наиболее обобщенные полимодальные бессознательные структуры и строящиеся на их основе многочисленные культурные символы, которые постепенно превращаются в знаки, в стандартизованные образы социальных объектов – социотипы, входящие в сознание как целых групп населения (возрастных, профессиональных и др.), так и отдельных индивидов. Основные графические архетипы зафиксированы в своем зашифрованном виде в древних орнаментах, мотивы которых в конечном счете могут быть сведены к ограниченному числу изображений геометрических или растительных форм. Все социогенетические инварианты как глубинные коллективные представления, сформированные в социогенезе человечества, презентированы в детском творчестве – детских рисунках, играх, фольклоре.

Архетипический образ, положенный, например, в основу произведения искусства, воздействует на человека непосредственно через подсознание, вызывая бурный эмоциональный отклик прежде, чем человек поймет, что именно он чувствует и почему. Социотипический же – отчасти сохраняя способность непосредственного эмоционального воздействия, дает более четкую картину происходящего на сознательном уровне; его смысл легче выразить в немногих словах. Стереотип как крайняя форма стандартизованного образа, своего рода выродившийся архетип, фиксирует некоторые, порой несущественные черты объекта, обладающие, однако, относительной устойчивостью. Он максимально определен, схематизирован, означен. Стереотипы уже не являются символами и воздействуют на человека через его сознание своим легко вербализируемым значением, отличаясь узнаваемостью и распространенностью. Социогенетические инварианты, выросшие из коллективного

---

⁸ Абраменкова В.В. Социальная психология детства: развитие отношений ребенка в детской субкультуре. М.-Воронеж, 2000.

⁹ Зазнобина Л. Живая жизнь и «виртуальная реальность» // Народное образование. 1996. № 9.

бессознательного, с которым ребенок на “ты” – это вневременной, метакультурный “вечный” образ мира, противостоящий конкретной “здесь и теперь” картине мира.

Визуальная картина мира представляет собой совокупность различных взаимопересекающихся сфер, социально- психологических смысловых пространств, раскрывающих отношения ребенка в системе “Я - МИР”: это 1) пространство окружающей среды, 2) социальное пространство взрослых и сверстников, 3) моральное пространство (категории добра и зла) и 4) пространство представлений о себе и мире в будущем¹⁰.

По оценкам экспертов, символом XXI в. станет широкомасштабное телевидение. Возможности этой новейшей технологии, с которой только начинают осваиваться конструкторы, действительно безграничны. Если еще учесть расширение компьютерных сетей, то становится очевидным, что мы, вероятно, стоим на пороге глобальных изменений системы социальных связей, установок, ценностей в детской субкультуре.

В настоящее время в детской субкультуре происходят изменения, вызывающие растущую озабоченность специалистов, например, психологами многих стран и отечественными специалистами отмечается деградация традиционной детской игры, столь необходимой для психического развития и личностного становления ребенка. Существенным фактором подобных негативных изменений оказывается внедрение в современную жизнь “чуда XX века” - средств массовой телеинформации. В настоящее время почти во всех странах мира существует проблема воздействия Экрана (телевизионного, видео и компьютерного) на психическое развитие и личность ребенка. Если 20 лет назад можно было услышать: “дети знают больше нас, благодаря телевизору”, то теперь: “компьютер и видак им дороже родителей”, эти фразы дают возможность уловить не только расширение сферы Экрана в жизни детей, но и определенную смену ценностей современного поколения. Педагогические наблюдения и специальные исследования показали исключительность воздействия экранных образов на детское сознание, не только вследствие особых технических эффектов, но и в силу повышенной возрастной сензитивности, обуславливающей эффективность формирования социальных установок и мотивацию поведения ребенка¹¹.

Информационно-знаковая сущность мира предопределила появление особого раздела в образовании - *медиаобразования* и в современной педагогике - дидактики экранно-звуковых средств обучения [Средства коммуникации и проблемы развития личности ребенка..., 1993]. Появились зарубежные и отечественные концепции медиаобразования, первоначально еще в 60-е годы ставящие перед собой цели обучения визуальным формам

---

¹⁰ Там же.

¹¹ Средства коммуникации и проблемы развития личности ребенка (Международный семинар, июль 1993, Звенигород). М., 1994.

коммуникаций - это в США - и цели развить иммунные качества личности против манипулирования ею средствами масс-медиа - это в Европе. В начале 80-х гг. родился проект “Введение в теорию коммуникации”, целью которого было развить способность личности ответственно и критически воспринимать информацию и обобщать ее в учебном процессе [Зазнобина, 1996].

Современная цивилизация по сути своей навязала ребенку Экран в качестве и средства развлечения и средства обучения. Ребенок оказался хорошим учеником, более способным, чем учителя, которым приходится **срочно ликвидировать медиабезграмотность**, чтоб не отстать от века и своих учеников. Однако Экран как благо цивилизации порождает такие явления, как “информационный тоталитаризм” - агрессивную информационную среду, где нет границ реального и виртуального мира, а так же “клиповое сознание”, которое отчуждает человека от созерцания и размышления (так характерного, кстати, для российской ментальности) [А.М. Орлов, 1995].

Восприятие ребенка (как и любого нормального человека) тяготеет к созданию целостного образа (целомудрию), к формированию *гештальта*, к единой смысловой единице мира. Экран с его оптическими эффектами (оп-артом) противится этому оцельнению, предлагая алогичное, парадоксальное, противоестественное представление о мире, например, сочетание невозможного - тягучести и жесткости (как в картинах С. Дали - мягкий часовой циферблат). Предельно явно обнаруживается подобное при воздействии *клина*, мгновенные образы которого способны как бы просачиваться сквозь барьер осознанного восприятия, минуя сознание, воздействуя на бессознательные структуры. Оптические приемы, воздействие цвета в рекламе и фильмах, компьютерная графика с ее возможностями невозможного легко впечатываются в бессознательное, снимая противоречия между реальностью и иллюзией, явью и сном объектом и субъектом, жизнью и смертью [Средства коммуникации...,1993; Television and American...,1990].

Специалисты по виртуальным исследованиям говорят о создании “виртуального сообщества людей” с виртуальными городами и виртуальной жизнью, где можно вступать в браки, общаться, развлекаться и пр. (интересно, дети будут рождаться тоже - виртуально?). Речь идет о возникновении в наши дни особого виртуального мира, где “...новая виртуальная цивилизация с ее киберкультурой и виртуальной психологией начинает “разъедать” и заменять новоевропейский тип культуры”.

Уже с начала 70-х гг. на Западе появляются исследования ученых, предостерегающие о губительных последствиях воздействия телеэкрана на здоровье человека. Эти исследования делали акцент, главным образом, на влияния технических параметров теле-, видео- и, особенно, компьютерного экрана (воздействие электромагнитного излучения, сверхнизких частот, пульсации и пр.), а так же эргономических характеристик (расположения прибора, позы оператора, положения его рук, глаз и пр.) на физиологические

показатели здоровья человека.

Между тем, очень скоро стало очевидно, что не только излучение телеэкрана и его физические характеристики, но и содержание самих экранных образов воздействует на взрослое сознание, приводя к определенным его деформациям.

Эрих Фромм еще в середине 50-х гг. писал об американском обществе: “...вместо того, чтобы дать нам все лучшее, что имеется в литературе и музыке прошлого и настоящего, средства массовой информации и рекламы забивают людям головы мусором, не имеющим ничего общего с реальностью, и садистскими фантазиями, которые любой мало-мальски культурный человек постыдится смотреть даже время от времени. Умы людей, как юных, так и зрелых подвергаются непрерывному отравлению, а мы беспечно продолжаем игнорировать безнравственность, царящую на экране.” [Fromm, 1955, с. 14],- с полным основанием эти слова применимы для России во втором десятилетии 21 века.

Появившиеся в последствии исследования на детях обнаружили специфику восприятия экранных образов: информация, получаемая ребенком с экрана, воспринимается им как истина, обладает чрезвычайной силой внушения и подражания, в связи с чем на государственном уровне во многих странах был установлен законодательный контроль за содержанием телепрограмм в контексте детства.

В Германии, Швеции и других странах Европы появились специальные законы, ограничивающие доступ ребенка к телепрограммам, содержащим порнографию, насилие, рекламу алкоголя и табака, а также запреты на рекламные ролики, ориентированные на детей младше 12 лет. Исследование Мюнхенского института изучения проблем молодежи о влиянии детей на родительские покупки показывает, что ежегодно граждане Германии тратят до 33 млрд. марок на покупки, руководствуясь советами своих отпрысков; это не только новые игрушки, детская одежда и пр., но и товары длительного пользования. 70% детей от 10 до 12 лет имеют право голоса при решении семейных вопросов о приобретении дорогих товаров, например, автомобиля.

По мнению психологов, это *следствие воздействия рекламы*, поскольку любая детская передача прерывается рекламными роликами, которые снимаются с учетом детской психологии и рассчитаны на восприятие детьми, при этом в Германии существует закон, запрещающий скрытую рекламу. Наряду с негативным общественным мнением по поводу рекламы (грешно прививать детям страсть к потребительству!), существует и другая точка зрения о том, что раннее рекламное засилье формирует рекламоиммунитет у детей и непредвзятый взгляд на мир вещей. Однако в одном взрослые единодушны: в большинстве стран ЕС действуют запреты на пропаганду насилия, секса, алкоголя и пр. с экрана.

В России таких законов не существует, несмотря на то, что практически в каждом современном теле- или видео- фильме присутствует сцены насилия, жестокости, секса, мистики; рекламой скрыто и открыто пропагандируется “красивая жизнь” в товарах и услугах, при этом детские

образы и сами дети цинично используются в рекламных целях. Тотальная захваченность детей Экраном вызывает озабоченность родителей, ученых, специалистов.

В результате нынешней американской киноэкспансии в орбиту западного кино вовлекаются прежде всего юные зрители. Их киноинтересы и вкусы во многом американизируются. Однако американское кино, как известно, изрядно отличается от европейского, а тем более — от нашего. Что смотрят и что усваивают в кинозалах российские школьники? Как показало исследование, «киноменю» школьников оказалось довольно однообразным: каждый третий фильм — боевик, каждый пятый — эротический. Почти все основные персонажи фильмов, которые смотрят школьники, — мужчины, преимущественно молодые. Женские персонажи встречаются редко — всего в 18% фильмов. Они также молоды, но роли им отводятся более пассивные и менее значимые (в большинстве случаев в качестве объектов сексуальных притязаний). Основные персонажи *как бы выпадают из семьи*. Она имеется только у 10% из них.

С экрана ребята практически не видят образы семьянина и семьи, мужа и жены, отца и матери. Каковы цели и мотивы действий киногероев? Наиболее типичные из них: удовлетворить свое либидо — 41% фильмов, совершить убийство (преступников, ритуальное убийство, выполнить заказ на убийство, отомстить за убийство и т.п.) — 17%; вырваться из заключения, спасти свою жизнь — 17%, разбогатеть (найти клад, украсть драгоценности) — 10%; выполнить свой гражданский и служебный долг — 9%. Идентифицируясь с героями - маргиналами, цели и мотивы поведения которых представлены в положительном свете, иные юные зрители, надо полагать, могут приобщиться к стремлениям и чувствам, далеким от идеалов добра, сочувствия и справедливости¹².

В иерархии ценностных ориентаций героев доминирует секс в различном проявлении — 74% фильмов. Далее следуют: обладание физической силой или оружием как средством добиться своей цели — 40%; деньги, богатство — 14%; месть — 10%; сохранение жизни — 10%. Такие ценности, как дружба, справедливость, достоинство и честь, представлены крайне слабо (соответственно по 3%). Погружение юных зрителей в этот искаженный ценностный мир формирует, по-видимому, определенные «скрытые мотивы» поведения. Сексуальное удовольствие может предстать в качестве высшей ценности жизни, «крутая» эротика — как наиважнейший и обязательный мотив обращения к художественному кинопроизведению. Обилие актов насилия в фильмах разных тем и жанров создает впечатление, что ради их показа верстаются все остальные эпизоды и весь фильм в целом. Натурализм экранных зарисовок этих картин усиливает впечатление от

---

¹² Рондели Л.Д. «Киноменю» школьников // Социологические исследования. 1995. №3

изображения, размывает грань между действительностью и вымыслом. Культ силы порой трансформируется в садизм.

Существуют тысячи исследований в США и Европе, которые свидетельствуют, что сцены насилия на психику детей могут оказывать лишь негативное воздействие. Детские психиатры и психологи убеждены в следующем:

- дети часто в игре или жизненных ситуациях подражают насилию, увиденному на экране,
- дети склонны отождествлять себя с отдельными жертвами или агрессорами и переносить эти роли в реальные ситуации,
- дети могут в результате увиденного счесть насилие приемлемой моделью поведения и способом решения своих проблем.

Ужасающая статистика детской и подростковой жестокости в России свидетельствует о правомерности выводов зарубежных ученых: подавляющее большинство несовершеннолетних преступников при выяснении мотивов истязаний, убийств, изнасилований и других преступлений против личности указывали прямо или косвенно на экранные аналогии.

Детская картина мира как особая система значений, представлений, отношений ребенка к окружающей среде, другим людям и себе самому в отличие от прежних эпох формируется в условиях “информационного бума” в большей степени под мощным влиянием средств массовой информации со значительным преобладанием визуальных образов теле-, видео- и компьютерного экрана.

Именно сегодня предельно остро встают вопросы о последствиях влияния Экрана - его физических, эстетических, психологических и др. параметров на, во-первых, соматическое развитие ребенка, во-вторых, на его ментальное развитие и, в-третьих, на его нравственное (духовное) становление.

Основные *тенденции* подобного влияния представляются в следующем:

1. Преобладание визуальной информации, идущей от плоского теле-, видео- и компьютерного экрана не может не вызывать определенные деформации в складывающейся сенсорной системе ребенка, в процессах его восприятия и понятийного мышления.

2. Формирующаяся у ребенка психологическая зависимость от Экрана отчуждает его от живого общения со взрослыми, сужает сферу совместной деятельности ребенка и взрослого в семье.

3. Экран вытесняет традиционную игру, в том числе коллективную игру со сверстниками, столь необходимую для его психического развития и личностного становления.

4. Экранные образы, запечатлеваясь в сознании, из источника информации

превратились в источник трансформации картины мира современного ребенка, знаменуя собой переоценку традиционной системы ценностей и образа жизни. Это следующие духовные подмены:

- а) мозаичность, “распадаемость” образов как агрессия по отношению к живым существам и материальным предметам - вместо ценности живого и целостного мира;
- б) конвейер шаблонных приемов и образов порождает китч вместо высокой эстетической потребности ребенка в прекрасном;
- в) облегченное отношение к жизни и смерти вместо благоговения перед их тайной; размывание границ дозволенного в представлениях о моральном поведении вместо четкой системы заповедей (“если Бога нет, то все дозволено”);
- г) ранняя сексологизация и эротизация детского сознания вместо целомудренного отношения к интимной сфере жизни;
- д) инокультурные нормы и образцы вместо национальных традиций и ритуалов (например, предприимчивые герои мультфильмов Диснея вместо образов русских сказок или чудовищные Барби и Синди - (ни дочери, ни подружки, а символы “общества потребления”!), воплощающие архетип блуда, вместо кукол - голышей, воплощающих исконный архетип материнства;

5. Экран для современного ребенка является не столько информатором и источником построения картины мира, сколько ее конструктором, агрессивно программирующим образ жизни, “новую мораль” и систему ценностей.

Недавний иллюстративный пример. Сложную задачу пришлось решать нашему телевидению в канун пятидесятилетия полёта Гагарина. Рассказ о космических победах, с одной стороны, не должен противоречить мифу о беспросветном тоталитарном прошлом, но с другой – внушить обществу чувство гордости за страну. Какую страну? Название её мелькнёт на шлеме скафандра первого космонавта планеты.

Такое впечатление, что все каналы решали задачу в рамках одной директивы: «У подростка не должно возникнуть впечатления, что победа в космосе – это следствие преимущества советского уклада жизни». Может быть, поэтому ТВ так и не смогло толком объяснить, почему же мы стали первыми?

Встык с фильмом «Укрощение огня» на Первом показали очередные «Жестокие игры». От этого соседства произошла химическая реакция, способная взорвать человеческий мозг. Очутившись в программе рядом, и фильм, и «проект Первого» зазвучали по-новому. Хрупкие советские люди показались настоящими пришельцами и как будто улетели к себе в космос вместе с последними кадрами взрывающейся ракеты. А современным россиянам, наделённым необычайной выносливостью и фантастической физической силой, в соответствии с масштабом сегодняшнего дня,

предложили новый, адаптированный вариант подвига – преодолевать себя во имя себя же самого. Во имя себя и спортивного мотоцикла.

В стране – масштабная бедность и скудость миллионов граждан. Казалось бы, бережливость и скромность должны поощряться. Однако наши СМИ, особенно ТВ, всячески рекламируют и оправдывают бездумную роскошь и расточительство российских «нуворишей». Жизнь простых людей для них не существует.¹³

Между тем доклад Всемирного банка «Справедливость и развитие» предупреждает: «При высоком уровне экономического неравенства обычно экономические институты и социальные условия систематически действуют в интересах более влиятельных групп. Такие несправедливые институты способны приводить к экономическим потерям... Предпочтения при распределении общественных услуг предоставляются богатым, а таланты средних и беднейших групп населения остаются невостребованными. Общество в целом становится тогда менее эффективным и упускаются возможности для инноваций и инвестиций».

Социальная справедливость – извечная нравственная норма, неотъемлемая часть сознания людей. Без её соблюдения не может быть здоровым нравственный климат в обществе, как и невозможна здоровая экономика. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл пишет в книге **«Неэкономические грани экономики»**: «Экономическая система, построенная только на стремлении к наживе, на равнодушии к судьбе человека, на пренебрежении к нравственным нормам, лишена устойчивости и может рухнуть в любой момент, погребая под своими обломками судьбы людей. Безнравственная экономика неэффективна, более того – нежизнеспособна и опасна».

Отношение к различным профессиям средствами СМИ формируется у человека еще до того, как он вступает в общение с представителями данной профессии. Именно благодаря наследственной информации, которую человек получает в процессе обучения от своего социального окружения (семья, школа, друзья, массовые коммуникации), он еще до выбора профессии оказывается в какой-то мере ориентированным в том, как оценивать то или иное занятие, тот или иной вариант, тот или иной путь. Устойчивость «наследственной информации» обуславливает определенную устойчивость и повторяемость оценок профессий, типов поведения для представителей одних и тех же социальных слоев.

Средства массовой информации, в свою очередь, способствуют расширению кругозора ребенка и подростка, ознакомлению его с жизнью и трудом производственных коллективов, с произведениями литературы и искусства. Но для воспитания важны не только обилие и доступность

---

¹³ Богомолов О. Капитал справедливости. ЛГ, 2011, #14, с.3

информации, но и ее отбор, мера. К сожалению, родители не всегда в силу того что они заняты или просто не придают этому значения, могут контролировать и направлять этот процесс. В результате подчас создаются неблагоприятные для объективного выбора будущей профессии психологические ситуации. К тому же пассивное восприятие теле- и радиопередач может отрицательно отразиться на творческой активности семьи и детей в сфере культуры, вытеснить из семейной жизни такие важные для духовного становления детей виды деятельности, как коллективное обсуждение политических и нравственных проблем, художественных произведений, рассказы о трудовой деятельности старших и т.д. В результате перед родителями встает проблема, как, с одной стороны, сохранить все ценные для морального воспитания детей традиции семейной жизни, с другой — повысить авторитет и роль семьи в регулировании взаимоотношений между подростками и теми новыми факторами социального бытия, которые порождены научно-технической революцией и урбанизацией.

В чём притягательность того же «Южного парка» для детей? В том, что герои сериала, которым, по версии создателей, что-то около 10 лет от роду, совершенно свободно матерятся, обсуждают вопросы сексуального характера, нарушают все мыслимые и немыслимые запреты. В юном возрасте всегда хочется казаться взрослее, а мультяшные персонажи как раз из кожи вон лезут, пытаясь показать, что они более чем взрослые. Чем не пример для подражания?

Вот им и подражают. Вот и стараются во всём походить на развязных мультикумиров¹⁴. Ведь сериалы подобного рода – это, по сути, пропаганда определённого образа жизни и мышления. И не понимают юные умники того, что ничего общего с реальной жизнью эти сериалы не имеют. Поймут они это только тогда, когда действительно вырастут. Но кем они вырастут?

Заметна еще одна тенденция, еще один парадокс – превращение средств деятельности в ее цели. О чем идет речь? Прежде всего о телевизоре и компьютере. Они зачастую оказываются вовсе не источником получения информации, вовсе не средством приобщения к широкой действительности. Они становятся просто источником сенсорных впечатлений, мелькающих картинок, потребление которых превращается в самостоятельный род занятий. Пестрый экран, на котором мелькают картинки, все больше подменяет для ребенка игру, активную продуктивную деятельность, общение с родителями, с бабушками и дедушками.

Перечисленные тенденции уже отражаются на особенностях развития современных детей. Воспитатели дошкольных учреждений отмечают снижение уровня развития ролевых игр, общую пассивность дошкольников. Педагоги отмечают резкое снижение фантазии и творческой активности

---

¹⁴ Кем они вырастут? ТЕЛЕДЕТСТВО. — ЛГ, 2009, № 30

младших школьников. Однако сегодня это еще не научные систематизированные факты, а пока только первые наблюдения педагогов и родителей. Поэтому важнейшей задачей становится изучение особенностей современного детства и влияние информационных технологий на различные аспекты развития ребенка.

Сегодня около 70% первоклассников, воспитывающихся в семье и проживающих в крупных индустриальных городах, имеют компьютер дома. Они активно и технически умело получают электронную информацию. Однако процесс поступления к ребенку этой информации носит бессистемный, хаотичный, фрагментарный характер, а содержание информации оказывается недостоверно или прямо нелепо.

По результатам исследований, проведенных в Петербурге среди младших школьников, 28% ребят используют компьютер постоянно, каждый день. Еще 25% садятся за экран компьютера не реже трех раз в неделю. 46% младшекласников объяснили, что игра за компьютером помогает им отвлечься от неприятностей, школьных и домашних обязанностей; 68% признали, что игра за компьютером отнимает очень много времени в ущерб учебе. Признавая это, 33% ребят отметили, что у них появляется раздражение, если взрослые делают им замечания по этому поводу или пытаются отвлечь от игры, 7% называли даже большую злость, а 15% заявили, что попросту не обращают внимания на замечания родителей и вообще никаких чувств по этому поводу не испытывают.

«Другое» детство – это и детство одаренного ребенка¹⁵. Развитие одаренного ребенка – это психологическая и педагогическая проблема в семье и школе: чрезмерная интеллектуализация в ущерб игровой деятельности и освоению социальных форм взаимодействия, переживание тоски и скуки в школе, где, с одной стороны, одаренные не испытывают достаточной умственной нагрузки, а с другой – испытывают беспомощность и неуспешность во многих делах, требующих неинтересных им навыков.

Поведение молодого человека в подростковый период определяется несколькими факторами, что не учитывается эскалацией влияния СМИ: половым созреванием подростка и соответствующими быстрыми изменениями, происходящими в организме, маргинальным социальным положением подростка, а также сформировавшимися у него к этому времени индивидуальными особенностями.

Все перечисленные характеристики подросткового возраста способны порождать серьезные кризисные ситуации и как следствие – психологическое неблагополучие подростков, которое в крайних своих проявлениях ведет к наркотической и алкогольной зависимостям, суицидальным попыткам, подростковой агрессии и асоциальному поведению.

---

¹⁵ Ростова Л. Детство как проблема. Социальная, психологическая, культурная... Современный ребенок в фокусе научных исследований. —ПС, 2009, 12 декабря

Не случайно проблема подростка на этапе преодоления всех возрастных проблем тесно связана с такими понятиями, как «адаптация», «социализация», «компетенция». Психологическое сопровождение учащихся 11-14 лет в условиях образовательного учреждения предусматривает создание условий, при которых у подростка формируются ключевые компетенции, позволяющие ему быть адаптивным к условиям окружающего мира и социально значимым для взрослых и сверстников.

Под компетенциями понимаются¹⁶ некоторые внутренние, потенциальные, скрытые психологические новообразования (знания, представления, программы (алгоритмы) действий, системы ценностей и отношений), которые затем выступают как факторы успешности/неуспешности, адаптивности/дезадаптивности, благополучия/неблагополучия подростка.

В. Хутмахер приводит принятое Советом Европы определение пяти ключевых компетенций, которыми «должны быть оснащены молодые европейцы».

Эти компетенции следующие:

- «... политические и социальные компетенции, такие как способность принимать ответственность, участвовать в принятии групповых решений, разрешать конфликты ненасильственно, участвовать в поддержании и улучшении демократических институтов;
- компетенции, связанные с жизнью в многокультурном обществе. Для того чтобы контролировать проявление (возрождение – resurgence) расизма и ксенофобии и развития климата нетолерантности, образование должно «оснастить» молодых людей межкультурными компетенциями, такими как принятие различий, уважение других и способность жить с людьми других культур, языков и религий;
- компетенции, относящиеся к владению (mastery) устной и письменной коммуникацией, которые особенно важны для работы и социальной жизни, с акцентом на то, что тем людям, которые не владеют ими, угрожает социальная изоляция. В этом же контексте коммуникации все большую важность приобретает владение более, чем одним языком;
- компетенции, связанные с возрастанием информатизации общества. Владение этими технологиями, понимание их применения, слабых и сильных сторон и способов к критическому суждению в отношении информации, распространяемой массмедийными средствами и рекламой;

---

16 Зимняя И.А. Компетентность человека – новое качество результата образования // Материалы XIII Всероссийского совещания: В 2 кн. М., 2002. Кн. 2.

Михайлина М.Ю. Социально-психологические параметры формирования подростковой агрессивности // Психология системного функционирования личности. Саратов, 2004.

Петровская Л.А. Компетентность в общении. М., 1989.

Ремшмидт Х. Подростковый и юношеский возраст: Проблемы становления личности. М., 1994.

- способность учиться на протяжении жизни в качестве основы непрерывного обучения в контексте как личной профессиональной, так и социальной жизни».

Очевидно, что ключевые компетенции суть самое общее и широкое определение адекватного проявления социальной жизни человека в современном обществе. Об этом же свидетельствует и приводимое А.В. Хуторским содержание основных ключевых компетенций, в перечень которых входят: ценностно-смысловая, общекультурная, учебно-познавательная, информационная, коммуникативная, социально-трудовая, личностная компетенция¹⁷.

В качестве ключевых компетенций в отечественной психологической школе рассматриваются такие, как:

- компетентности, относящиеся к самому себе как личности, как субъекту жизнедеятельности;
- компетентности, относящиеся к взаимодействию человека с другими людьми;
- компетентности, относящиеся к деятельности человека, проявляющиеся во всех ее типах и формах.

Исходя из всего вышесказанного, можно предположить, что возникновение кризисной ситуации в жизни подростка всегда обусловлено недостаточной (или несформированной) компетентностью в одной из социально значимых сфер его жизнедеятельности: в отношении самого себя; в отношениях с другими людьми; в отношении значимой деятельности

Достаточно свободное оперирование в научной литературе различными вариантами названий ситуаций сопровождается размытостью, неопределенностью содержания используемых понятий. Под *кризисными* ситуациями понимаются *«ситуации повышенного риска, предрасполагающие к возникновению реакций дезадаптации (кризисных состояний)»* и *ситуации функционирования на грани адаптационных возможностей человека, приводящие к все более полной утрате субъектности*. Такие определения, по нашему мнению, не выделяют необходимых и достаточных признаков, на основании которых специалист может диагностировать характер переживаемой человеком ситуации.

К числу факторов, способных повлиять на вероятность развития кризисных состояний и психогенных заболеваний у подростков, относят: наследственность и конституцию; ход индивидуального развития (рост, созревание, индивидуализация сознания, формирование социальных навыков, обучение); уровень развития познавательных структур личности; возраст и пол; систематические влияния (циклы терапевтического воздействия); «случайные» влияния (жизненные события, факторы окружающей среды); факторы риска; защитные факторы (самого ребенка и

---

¹⁷ Белицкая Г.Э. Социальная компетенция личности // Сознание личности в кризисном обществе. М., 1995. С. 42–57.

его окружения). Очевидно, что психолого-педагогическое сопровождение образовательного процесса в школе предполагает отслеживание этих факторов в отношении подростков и оказание психотерапевтической помощи в том случае, если самостоятельное преодоление кризисной ситуации затруднено.

Критерии оценки качества подобной помощи могут быть выведены из параметров сформированности основных компетенций подростка и связаны:

1. С готовностью к проявлению личностного свойства в деятельности, поведении подростка;
2. Со знанием средств, способов, программ выполнения действий, решения социальных и профессиональных задач, осуществления правил и норм поведения, что составляет содержание компетенций;
3. С опытом реализации знаний, умений;
4. С ценностно-смысловым отношением к содержанию компетенции, его личностной значимостью;
5. С эмоционально-волевой регуляцией как способностью адекватно ситуациям социального и профессионального взаимодействия регулировать проявления компетентности.

В стране приняты отдельные правильные статьи законов и положения международных конвенций, касающиеся прав человека на информацию и защиту подростков от СМИ, но в большинстве случаев эти постановления не выполняются и вопрос существования личности в информационном пространстве пущен на самотек.

В государстве на сегодняшний день нет единой выработанной программы действий, которая бы четко прописала права, свободы и обязанности каждой из сторон в цепочке: общество-СМИ-школа, как это прослеживается во многих развитых зарубежных странах, где абсолютно ясно определено, что и с кого можно и нужно спросить, с какого возраста и что можно смотреть, что контролирует государство, за что отвечают телерадиокомпании, какой выбор остается за семьей¹⁸.

Без серьезной государственной поддержки на самом высоком уровне в стране не удастся создать слой настоящей подростковой масс-медиа и прессы, не коммерческого, а проблемного и аналитического характера, где бы не столько рассказывалось о явлении очередного молодежного кумира, а поднимались бы глубинные, вековые, но каждый раз такие новые проблемы «отцов и детей».

****

---

¹⁸ Крекотиев А. СМИ как опиум для молодежи // Диалог. – 2004, №4-5. С. 18 – 22.

Следует рассмотреть в сравнительном анализе декларируемые официальными образовательными структурами ценности с таковыми в неформальных социальных структурах (реклама, массовое искусство, политические группы разной степени общественной санкционированности, популярная символика и т.д.)¹⁹.

Формирование ценностных ориентаций личности в период её становления происходит по двум крупнейшим каналам – государственная образовательная система (включая и систему частных образовательных учреждений, работающих по лицензии МО РФ) в ее формализованных структурах и неформальные социальные институты (литература, СМИ, общественные организации и т.д.).

Первый канал контролируем, и транслируемые им ценности осознаваемы. Второй практически неконтролируем, идеи и ценностные ориентации неосознаваемы, но его ценности усваиваются многократно эффективнее, чем по первому. Дискуссия о ценностном базисе современного образования и технологии трансляции этих ценностей в сознание реципиента. приводит к проблеме конфликта (или совпадения) аксиологического базиса формального (официального) образования и ценностей реальных социальных структур и систем. Анализ такого соотношения имеет не столько академический интерес, сколько практический – неформальные социальные нормы, поведенческие стереотипы, социальные аттитюды, архетипы коллективного бессознательного являются значительно более эффективным каналом для интериоризации внешних явлений коллективного сознания в индивидуальное сознание, чем официальные формулы.

Первая причина этого кроется в законах онтогенеза (биологических механизмах развития индивида) и персоногенеза (социально-психологических механизмах формирования личности), а также в закономерностях системных процессов и даже законах, открытых в философии (это к вопросу о пользе философского образования для прикладного социологического, психологического и педагогического анализа).

Формально декларируемые лозунги, при всей их гуманности и благожелательности, в неявной форме обладают атрибутом некоей насильственности, искусственного навязывания, что включает механизм неприятия явлений «взрослого мира», типичный для периода пубертатного криза и юношеской эпохи «бури и натиска». Механизм этот (в термине «негативизм» возрастного кризиса) описан сто лет назад В.Штерном.

Семьдесят лет назад конструктивный результат этого явления квалифицирован Л.С.Выготским как «психологическое новообразование» возрастного (в данном случае пубертатного) криза (реализация потребности в самостоятельном социальном статусе, для чего требуется субъективное

---

¹⁹ Беломестнова Н.В. Структура ценностей формального и социального образования. Материалы семинара "Философия – образование – общество", 2005.

отделение от семьи, подросток и юноша становится субъектом социальной активности). Формально-педагогическое образование, являясь инструментом воздействия на формирующиеся сознание и личность со стороны «взрослых», в какой-то мере испытывает влияние такого негативизма, что снижает эффективность работы таких структур.

Вторая причина большей эффективности неофициальных идеалов открыта (хотя и не объяснена; но ведь и гипноз открыт полтора столетия назад, но механизм его неизвестен) в общей экспериментальной психологии. В исследованиях законов работы сознания, выполняемых под руководством В.М.Аллахвердова, обнаружился факт большей привлекательности запретной, нежели санкционированной информации – большей эффективности запоминания, её ускоренной актуализации при решении определенных задач и т.д. (В.М.Аллахвердов, 1999–2003). Житейская мудрость «Запретный плод сладок» это предсказывала.

Эффективность неявной информации можно было предположить и исходя из того факта, что в сознательной обработке информации всегда присутствует критичность её осмысления, логическая и практическая проверка; на явную информацию имеется «вирусолов», запрограммированный на уже известные «вирусы», «трояны» и прочих вредителей. А для неявной, скрытой информации противоядие еще не создано, логика и иные методы критического осмысления недействительны в сфере подсознания.

Есть и еще закономерность, описываемая в общей психологии – законы эмоций не коррелируют с законами логики, это различные подсистемы психики. А ценности (как явления и факты действительности, безусловно принятые личностью в качестве целей бытия, смысложизненных образований) явно относятся к эмоционально-оценочной сфере субъективной картины мира индивидуума и, следовательно, доводы разума не являются самым эффективным способом их межпоколенной трансляции. Но зато эффект импринтинга по механизму аффективной насыщенности темы, ситуации или идеи работает очень хорошо.

Официально прописанные ценности включают толерантность как широту взглядов во всех аспектах – этническую, социально-групповую, в межличностных отношениях. Неформализованные ценности «естественных», стихийно сложившихся социальных структур (по механизмам системных процессов в развитии цивилизации) отражают крайний индивидуализм (в рекламе существенная часть слоганов начинается с личного местоимения первого лица «Я, мне, меня, моё»)²⁰.

Формально объявляется ценность высокообразованного человека, реально термин «звезда» относят только к представителям самых массовых видов искусств, не относя к «звездам» даже деятелей высокого искусства, не говоря уже об ученых. Газеты, телевидение, реклама заполнены информацией о скандалистах, «попсовых» деятелях, визажистах,

---

²⁰ Там же.

финансистах, бизнесменах и т.д., но не о людях высокого профессионализма в других профессиях.

В образовании подчеркивается значимость «практического приложения» полученных знаний, но без акцентирования на обоснованности этого знания в научных и прикладных исследованиях. Но реально эта практичность оценивается в объеме и скорости полученной наличности, а этот параметр легче всего достигается в мошеннических деяниях. Да и предъявление якобы «практических» знаний в популярных пособиях («Сам себе психолог», «Займемся здоровьем») ведет к профанации профессионального образования.

Провозглашенное право каждого на образование вылилось во всеобщее высшее образование с неизбежным обрушением его качества и эффективности, девальвируя вузовский диплом – сейчас человек с дипломом среднего специального образования и зарабатывает больше, и вызывает уважение как субъект незаурядных интеллектуальных способностей (в профессиональных колледжах имеются объективные критерии скорости, объема и глубины усвоения знаний, в отличие от исчезнувшей системы контроля в вузах).

Декларация уважения и пиетета к интеллигентности и интеллигенции разбивается о негативные персонажи фильмов (не только западных, но и отечественных) в очках, галстуках и развернутой речью. Впрочем, темный костюм, белая сорочка и галстук в настоящее время являются знаковыми атрибутами секьюрити, человека кулака и действия, а не ума и образованности.

Таким образом, неконтролируемое содержание идей средств массовой информации (а это одна из сторон права на информацию) приводит к ситуации перетягивания каната между формализованными ценностями общества и реально вводимыми по более эффективным каналам. Значит, необходимо введение некоторого контроля в области масс-медиа, если не запретительного характера, то в варианте профессионального консультирования.

Приходится признать такое положение вещей, что формальное образование может дать запас знаний, умений и навыков, сформировать грамотное логическое, научное и критическое мышление, но не может «впечатать» фундаментальные ценности. При этом вне всяких сомнений официальные структуры образовательной системы должны осуществлять и воспитательную функцию (часть индивидуумов вполне способны оценить доводы разума и гуманности), но это не снимает необходимости использования неформальных каналов воздействия.

Компаративный аксиологический анализ различных систем формального и неформального образования становится необходимым этапом в решении вопроса о ведущей аксиологической парадигме в педагогике.

Аксиологические парадигмы разных эпох и суперкультур существенно отличаются. Суперкультура Запада (до начала глобализации) характеризуется пиететом перед логическим мышлением, индивидуализмом

в самосознании субъекта, внешними (объективными) критериями успешной личности, агонизме и активности. Отсюда и проистекают ценности образовательных систем, главная из которых – способность эффективно работать на личный успех в его общественной и материальной формах.

В отличие от Запада, суперкультура Востока (дальневосточный регион) зиждется на ценности недеяния, интуитивного способа познания, консервативности во всех сферах бытия, приматом Природы и общества перед личностью. В педагогических системах стратегической целью является формирование способности подчинения и исполнения.

Российский суперэтнос в силу географических, исторических и этногенетических (Л.Н.Гумилев) причин занимает промежуточную (или синтезирующую, что несколько льстит нашему национальному самолюбию) позицию²¹. Идея соборности (в отличие от западного индивидуализма) сосуществует с направленностью на активность в освоении действительности (как Природы, так и духовных завоеваний), что типично для Запада. Ценность знания и просвещения (сугубо западные признаки) соседствуют с религиозными установками (восточная ценность). Уважается как способность и свойство личного успеха индивидуума, так и стремление к счастью (причем желательно для всех). И в наблюдениях отечественных философов, писателей, социальных психологов, и в описаниях иностранных аналитиков (послов, писателей, социологов, культурологов и т.д.) отмечается амбивалентность «загадочной русской души».

Современная эпоха несколько сместила обозначенную дифференциацию²². Процессы глобализации приводят к истернизации (в старой терминологии – ориентализации) Западного полушария и вестернизации Восточного. Не мог этот процесс обойти и Россию. Резко «восточный» характер ценностей тоталитарной эпохи (соборность в виде коллективизма, примат власти над личностью, обесценивание личности-индивидуальности, ограничение ценности объема и всесторонности информации и информированности, отсутствие свободы выбора, формирование в самосознании «психологии винтика в государственной машине», негативная ценность субъектности личности при декларации инициативности и активности, унификация всех форм бытия) сменился на столь же мощную вестернизацию аксиологических параметров.

---

²¹ Там же.

²² Там же.